

тивности сообщения зависит от потенциального читателя» (См.: Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: Словарь-справочник, 2011).

Выделяются также типы информации: логическая и эстетическая (А. Моль); предтекстовая, надлинейная (притекстовая), подтекстовая (А. Ф. Папина); главная, уточняющая, дополнительная, повторная, нулевая (К. М. Накорякова); содержательно-фактуальная, содержательно-концептуальная, содержательно-подтекстовая (И.Р. Гальперин) /См.: Словарь лингвистических терминов, 2010/.

Таким образом, как бы не определялась категория информативности текста, очевидно, что любое речевое высказывание несет в себе информацию о мироощущении и мироощущении ее автора, направленную на соучастника конкретного коммуникативного акта в зависимости от прагматической установки самого текста. Очевидно и то, что любой из отмеченных выше типов информации может быть наглядно обозримым благодаря языковым средствам выражения, с помощью которых она (информация) репродуцируется автором речи. Для настоящей статьи особый интерес представляет категория концептуальной информации, извлекаемой в ходе художественной коммуникации, ибо любой художественный текст несет в себе индивидуально-авторское понимание явлений, описанных в произведении и содержит в себе творческое переосмысление «фактов, событий, процессов, происходящих в обществе и представленных писателем в созданном им воображаемом мире» /Гальперин, 1981: 28/.

Что же касается категории интертекстуальности, то следует отметить, что сам термин был введен в научный «обиход» известным теоретиком постструктурализма Ю. Кристевой в 1967 г. для обозначения тех свойств текстов, благодаря которым последние могут явно или неявно ссылаться друг на друга. Дать абсолютно однозначное определение интертекстуальности сегодня невозможно, так как неоднозначны подходы ученых к интерпретации данной категории, хотя все они восходят к теории М. М. Бахтина о диалогичности художественного текста, где всегда присутствуют определенного рода отсылки на предшествующие тексты /См.: Бахтин, 1976/. Данная теория легла в основу исследований многих культурологов, литературоведов, лингвистов /Kristeva J., 1969; Beaugrande, Dressler, 1981; Барт, 1989; Лотман, 1981; Ильин, 1999; Кузьмина, 1999; Чернявская, 1999 и др./.

В рамках настоящей статьи интертекстуальность будет рассматриваться в ее классическом понимании как диалогические отношения, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к другим текстам. Более того интертекстуальность в данном случае будет также рассматриваться в одном из предложенных В. Е. Чернявской качеств, а именно как идейная и тематическая открытость друг другу текстов одного автора /См.: Чернявская, 1999/.

Материалом для изучения данного типа интертекстуальности послужили два рассказа выдающегося американского прозаика У. Сарояна “**The Armenian and the Armenian**” и “**Antranik of Armenia**”, где категория информативности определяет когнитивную базу знаний, необходимых для

наиболее адекватного восприятия и осознания информации, существующей как внутри, так и вокруг текста. Именно в этих двух рассказах происходит концептуализация вокругтекстовой реальной информации о трагических событиях 1915 года, являющейся той закодированной и хранящейся в памяти в виде когнитивной структуры информацией, которая лежит в основе «картины мира» целого народа, подвергшегося гонениям и массовому истреблению. И благодаря ярко выраженной в рассказах категории интертекстуальности, они создают своеобразное единение микро- и макроконтраста, когда повтор ряда языковых конструкций обеспечивает определенную когерентность как внутри, так и между текстами, с одной стороны, и формирует их единение в ментальном представлении описываемой ситуации при наличии необходимого информационного блока знаний у воспринимающего субъекта – с другой.

Оба рассказа по сути повествуют о результатах событий 1915 года. В рассказе "**The Armenian and the Armenian**" встречаются два армянина, которые оказались в разных концах света в результате геноцида западноармянского населения 1915 года. Рассказ "**Antranik of Armenia**" повествует о национальном герое, о предводителе армянского национально-освободительного движения начала XX века, о том как в результате свершившегося, в мирное время эта личность теряет свое величие и становится простым, скромным, застенчивым человеком. Нет войны – нет героя.

Оба рассказа перекликаются не только на уровне исторического содержания в пределах фактической информации, но и на уровне авторской концептуализации конкретных исторических событий, эксплицитно представленной в нескольких абзацах двух произведений. При этом для верного, адекватного декодирования вложенной в них информации читателю необходимо обладать той вокругтекстовой реальной информацией, которая легла в основу обоих рассказов. Так, буквально во втором абзаце рассказа "**The Armenian and the Armenian**" происходит наложение информационного и эмоционального полей и создается единое когнитивное пространство, в рамках которого автор, с одной стороны, вводит фактическую информацию об Армении, с другой – посредством той же информации передает свою скорбь и тоску по тем краям, которые сегодня уже не называются Арменией.

There is a small area of land in Asia Minor that is called Armenia, but it is not so. It is not Armenia. It is a place. There are plains and mountains and rivers and lakes and cities in this place, and it is all fine, it is all no less fine than all the other places of the world, but it is not Armenia. There are only Armenians, and these inhabit the earth, not Armenia, since there is no Armenia, gentlemen, there is no America and there is no England, and no France, and no Italy, there is only the earth, gentlemen.

Есть территория в Малой Азии, которая называется Арменией, однако это только земля с такими же долинами, горами, реками, озерами и городами как везде. Этот отрезок земли называется Арменией только благодаря людям,

которые там живут, однако сегодня они уже разбрелись по всему свету, и Армении как таковой уже нет. Однако автор убежден, что не только Армении не существует, не существуют и все остальные страны. Есть только земля **earth**, а делают ее страной люди, проживающие на ней.

Повествование в рассказе строится в виде диалога с адресатом за пределами текста. При этом адресат на протяжении всего текста актуализируется не только императивными и вопросительными конструкциями ряда предложений, нацеленных на читателя, но и конкретным обращением к определенному адресату: в одном случае это – существительное **gentlemen**, в другом – личное местоимение **you**, наконец в третьем – выражение **you sons of bitches**.

Существительное **gentlemen** в данном случае получает значение «сильных мира сего», благодаря тому контексту, в котором оно использовано: когда автор говорит о том, что нет Армении, как нет остальных стран без их жителей, он называет те государства, которые не могут исчезнуть с лица земли только благодаря тому, что никто не посмеет посягнуть на их права (**America, England, France, Italy**). Одновременно – это те «сильные мира сего», которые как маленькие зверьки спрятались в своих норках (другое значение слова **earth**) и остались равнодушными к судьбам людей, которых пытались уничтожить, истребить.

Последние два абзаца рассказа являются его логическим завершением. Они образуют тот смысловой отрезок текста, который, с одной стороны, способствует выявлению позиции автора, его личной оценки описываемой действительности, с другой – выводят ее за рамки текста в то надтекстовое, реально существующее пространство, где автор непосредственно обращается к внетекстовому адресату и доводит до кульминации развитие темы судьбы.

I should like to see any power of the world destroy this race, this small tribe of unimportant people, whose history is ended, whose wars have all been fought and lost, whose structures have crumbled, whose literature is unread, whose music is unheard, whose prayers are no longer uttered.

Go ahead, destroy this race. Let us say that it is again 1915. There is war in the world. Destroy Armenia. See if you can do it. Send them from their homes into the desert. Let them have neither bread nor water. Burn their houses and their churches. See if they will not laugh again. See if the race will not live again when two of them meet in a beer parlor twenty years after, and laugh, and speak in their tongue. Go ahead, see if you can do anything about it. See if you can stop them from mocking the big ideas of the world, you sons of bitches, a couple of Armenians talking in the world, go ahead and try to destroy them.

В первом абзаце существительное **power** в словосочетании **any power of the world** переключается с использованным ранее существительным **gentlemen** («сильные мира сего»), то есть те государства, которые равнодушно наблюдали за тем, как один народ пытается уничтожить другой, истребить его, стереть с лица земли. Само по себе сочетание **any power of the world** становится

своеобразным смысловым скрепом между существительным **earth** и концовкой рассказа, когда автор, вступая в диалог непосредственно с упомянутыми им государствами («сильными мира сего»), призывает их обратить внимание на незначительный по своей численности народ, который несмотря ни на что, возрождается из пепла и продолжает удивлять своей стойкостью и силой.

В данном отрезке текста происходит авторская концептуализация фактической информации, когда автор перемещает реальную действительность в плоскость такого когнитивного пространства, где чувство тоски и скорби об утерянном формируют в человеческом сознании такие представления как судьба, доля, удел. Отрицательные конструкции **unread, unheard, no longer uttered** в форме пассива способствуют созданию модального накала с определенным отношением автора к тем, кто добивался этого, к тем, кого он не называет (конструкция страдательного залога), ибо, по его мнению, они не имеют права даже на это. При этом фактическая информация переходит в категорию концептуальной, благодаря актуализации сложившейся в сознании нашего народа и сохранившейся в его генетическом менталитете картины мира отличной от других.

Для полного понимания и осмысления последнего, завершающего отрезка текста, читателю необходимо владеть как информацией о событиях, на которые ссылается автор, так и информацией о когнитивных пресуппозициях. Информация о событиях актуализируется упоминанием конкретной даты – 1915 год, когда имело место массовое уничтожение и депортация армянского населения из всех провинций Османской Империи, тогда как информация о когнитивных пресуппозициях – существительным **desert** (пустыня). Предполагается, что читатель осведомлен о тех исторических фактах, согласно которым с целью полного искоренения армян, они были сосланы в пустыни Сирии и Месопотамии, в частности лагерь Дейр-эл-Зор (одноименная пустыня в Сирии), автор никак не разъясняет читателю, что он имеет в виду, когда говорит: *Send them from their homes into the desert. Let them have neither bread nor water.*

Однако, вполне осознавая, что в многомиллионной аудитории читателей очень многие могут не владеть данной информацией, автор называет своего адресата, тем самым обращаясь к людям, которые пытались уничтожить его народ, но так и не смогли. И доказательством тому является рассказ о двух армянах, которые двадцать лет спустя встречаются далеко от родины в маленькой, грязной российской «пивнушке». Авторская оценка людей и содеянного ими дана более чем образно **you sons of bitches** (сукины дети). Именно так У.Сароян характеризует всех тех, кто не только пытался погубить, как он называет, маленькое племя незначительных людей **this small tribe of unimportant people**, но и тех, кто не воспрепятствовал этому.

Весь абзац, имеющий императивную конструкцию обращением к внетекстовому, но конкретному адресату, на первый взгляд, выпадает из общего

повествовательного корпуса. В силу своей автосемантической независимости он становится тем микроотступлением, которое, будучи связанным с сюжетной линией, выполняет функцию модификатора авторской концепции и, доходя до уровня сентенции, может существовать отдельно от текста, в виде небольшого памфлета. Именно в силу данного качества он занимает сильную позицию, ибо, с одной стороны, он способствует более глубокому осмыслению всего повествования, с другой – поднимает факты, описанные в рамках текста, на ступень обобщения, что и выводит их осмысление во внетекстовое пространство, обеспечивающее имплицитные связи между происходящим внутри текста и реальными событиями за его пределами.

В рассказе "**Antranik of Armenia**" как фактическая, так и концептуальная информация, уходящие корнями в надтекстовое пространство, конструируют ту ситуацию исторического и социального характера, понимание которой полностью зависит от читателя. Здесь категория информативности с одной стороны формирует когнитивную модель мира, существующую как внутри, так и вокруг текста, с другой – обеспечивает реализацию категорий текстуральности и интердискурсивности в самом тексте и за его пределами.

Буквально в экспозиции рассказа появляется внетекстовое действующее лицо. Это обобщенный образ всех тех, кто не только сотворил весь ужас, сохранившийся в генетической памяти армянского народа, но и тех, кто этому содействовал (хотя бы даже своим бездействием). Этих людей У.Сароян называет **bastards**. В предложении **God damn the bastards who were making the trouble** существительное **bastards** относится к людям, которые реально существуют и являются причиной создавшегося в «мире» хаоса. В рамках текста они конкретизируются, хотя и довольно обобщенно, с помощью относительного местоимения **who**, уточняющего, что это именно те «ублюдки», которые сотворили беду.

В идейно-смысловом отношении оба рассказа "**The Armenian and the Armenian**" и "**Antranik of Armenia**", как уже отмечалось выше, взаимосвязаны и взаимодополнимы. Некоторые мысли, высказанные в рассказе "**The Armenian and the Armenian**", раскрываются и дополняются новыми идеями в рассказе "**Antranik of Armenia**" и наоборот. И информация, заключенная в скобках в рассказе "**Antranik of Armenia**", представляется тем смысловым скрепом, который не только устанавливает связь между двумя рассказами, но и вносит определенные уточнения идейно-тематического характера.

Так, если завершающий отрезок текста в рассказе "**The Armenian and the Armenian**" является тем концептуальным звеном, где окончательно раскрывается позиция автора, его оценка к описываемой ситуации и доходит до кульминации развития темы «судьба», в рассказе "**Antranik of Armenia**", как авторское видение происходящего, так и тема судьбы приобретают новые оттенки и новую оценку.

(That is the way it is when you are an Armenian, and it is wrong. There are no bastards... Everybody in the world knows there is no such thing as nationality, but

look at them. Look at Germany, Italy, France, England. Look at Russia even. Look at Poland. Just look at all the crazy maniacs. I can't figure out why they won't learn to use their strength for life instead of death, but it looks as if they won't. My grandmother is too old to learn, but how about all the people in the world who were born less than thirty years ago? How about all those people? Are they too young? Or is it proper to work only for death?)

Как и в первом случае ("**The Armenian and the Armenian**"), данный отрезок, ввиду своей автосемантической независимости, становится таким же микроотступлением, которое, хотя и непосредственно связано с сюжетной линией и выполняет функцию модификатора авторской концепции, может существовать самостоятельно, как авторские рассуждения о судьбе армян и об отношении к ним окружающего мира.

Смысловым скрепом между двумя текстами становится предложение **There are no bastards**. Оно выполняет функцию сопряжения двух текстов, обеспечивая категорию интертекстуальности и интердискурсивности в общем внутри- и вокругтекстовом когнитивном пространстве. Существительное **bastards** в рассказе "**Antranik of Armenia**" вступает в семантическое поле с выражением **sons of bitches** в рассказе "**The Armenian and the Armenian**" благодаря синонимичности значения.

В экспозиции рассказа "**Antranik of Armenia**" появляются также названия тех стран, которые автор видит в пределах того «мира» **world**, о котором он говорит. Это названия стран, о которых он пишет и в рассказе "**The Armenian and the Armenian**" – Германия, Италия, Франция, Англия, символизирующих «сильных мира сего». Хотя здесь исчезает Америка и вместо нее появляются Россия и Польша. Не означает ли это, что не только «сильные мира сего», но и все остальные проявили равнодушие по отношению к маленькой нации, которую уничтожали у них на глазах? Однако, если в рассказе "**The Armenian and the Armenian**" индикатором их силы и мощи является существительное **gentlemen**, то в этом случае они определяются как **crazy maniacs** – более чем образное выражение авторского отношения, где модальная оценка формируется с помощью существительного **maniacs**, эмоционально-экспрессивная значимость которого усиливается прилагательным **crazy**, которое в данном контексте передает несколько своих значений – «безумный», «помешанный на чем-либо», «разваливающийся, распадающийся». При этом, если первые два значения раскрываются в следующем предложении, то последнее значение становится актуализатором мысли, высказанной еще в предшествующем повествовании. Так, страстное увлечение, перерастающее в безумство, приводит к тому, что эти страны как в азартной игре занимают позицию наблюдателя «состязания» между двумя народами и используют свою силу и возможности не на жизнь, а на смерть, потому и кажутся «маньяками» **I can't figure out why they won't learn to use their strength for life instead of death, but it looks as if they won't**. В данном предложении

смысловая наполняемость существительных **strength**, **life** и **death**, которые сами по себе выражают одновременно как поверхностную так и глубинную семантику всего высказывания, усиливается двумя отрицательными конструкциями – **can't** и дважды повторяющимся **won't**. При этом конструкция **can't** является своего рода индикатором пострадавшей стороны, которая не в состоянии понять причину произошедшего, а конструкция **won't** – индикатором «стороннего наблюдателя», не желающего понять, что смысл «силы» не в смерти, а в жизни. Что же касается последнего значения прилагательного **crazy** «разваливающийся, распадающийся», то оно прежде всего актуализирует результат сказанного, то есть в результате такого отношения эти страны морально «распадаются» и «разваливаются», что в свою очередь доводит до кульминации идею о том, что не существует национальностей, есть только люди, умеющие или не умеющие увидеть, понять, осознать **Everybody in the world knows there is no such thing as nationality...** . Существительное **nationality** в данном случае становится также своеобразным смысловым скрепом между двумя рассказами, и не столько благодаря своей семантике – два взаимообусловленных и взаимодопляющих понятия «национальность» и «страна» находятся в едином семантическом и когнитивном пространстве – сколько благодаря конструкции **there is**, в сочетании с которой оно использовано. Такое же сочетание конструкции **there is** и названий стран встречается в идентичном по своему идейно-содержательному значению отрезке в рассказе "**The Armenian and the Armenian**", когда автор говорит о том, что не существует этих стран, есть только «мир» или земля, имея ввиду скорее всего людей, заселяющих эту землю **...there is no Armenia, gentlemen, there is no America and there is no England, and no France, and no Italy, there is only the earth...** . Именно данная конструкция устанавливает связь между существительными **world** и **nationality** в одном рассказе и **earth** и названиями стран – в другом, и все они являются элементами единого когнитивно обусловленного идейного содержания, смысл которого заключается в том, что «мир» – это люди, которые делают его правильным или неправильным, жизнеспособным или распадающимся, все зависит только от их желания.

Принимая за основу высказывание В. Е. Чернявской о том, что «любые, всякие межтекстовые отношения и связи называются интертекстуальными» /Чернявская, 2007: 10/, можно с полной уверенностью утверждать, что оба рассказа находятся в диалогической, интертекстуальной взаимосвязи. Данному явлению способствует не только их тематическое взаимодействие, но и определенные формальные средства, преднамеренно используемые автором для формирования общего когнитивного пространства. При этом важным фактором для взаимопонимания автора и адресата является так называемое «интертекстуальное сознание» обоих партнеров, когда со стороны первого в тексте обеспечивается наличие конкретных сигналов, а со стороны второго возникает желание найти интертекстуальные связи между обоими расска-

зами. К числу таких сигналов относятся повторяющиеся в обоих случаях лексические элементы, существительное **race**, выражение **sons of bitches** и его синонимичный эквивалент **bastards**, глагол **destroy**, названия государств, имеющих непосредственное отношение к описываемым событиям, ряд конструкций (вопросительных и императивных), общность которых устанавливается обращенностью во вне, к адресату за пределами текста. Иными словами, как сходство сюжетов и мотивов, так и повтор конкретных языковых элементов формируют своеобразный диалог обоих текстов, что лишней раз подтверждает выдвинутый В. Е. Чернявской тезис о том, что «феномен текстовой открытости рассматривается традиционно в связи с категорией интертекстуальности, отражающей процесс «разгерметизации» текстового целого через особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстовыми/смысловыми системами и их диалогическое взаимодействие в плане и содержания, и выражения» /Чернявская, 2007: 7/.

Именно поэтому категория интертекстуальности, обеспечивающая как диалог между текстами, так и диалог между коммуникантами (автором и читателем), формирует также внутри- и внетекстовое интердискурсивное пространство, где интертекст, как «текст в голове» диктует адресату определенные правила поведения в виде оценки, интерпретации, умозаключений. Последние в свою очередь основываются на общности ментальных принципов и культурных кодов.

Таким образом, восприятие и осознание описываемых явлений и оценки (их концептуализации), данной автором может быть наиболее адекватным когда автор и его адресат являются носителями единой национально обусловленной концептосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Наука, 2003.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010.
3. Жеребило Т.В. Термины и понятия: Методы исследования и анализа текста: Словарь-справочник. Назрань: Пилигрим, 2011.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981.
5. Бахтин М.М. Проблема текста: Опыт философского анализа // Вопросы литературы, 1976, № 10.
6. Kristeva J. Sémiotiké: Recherches pour une sémanalyse. Paris, 1969.
7. Beaugrande R., Dressler W.U. Introduction to text linguistics. London; New York: Longman, 1981.
8. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

9. Лотман Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам, вып. 14. Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1981.
10. Ильин И.Т. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики: Сб. науч. аналит. обзоров ИНИОН АН СССР. СПб., 1999.
11. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Омск: Омск. гос. унт, 1999.
12. Чернявская В.Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. СПб.: СПбГУЭФ, 1999.
13. Чернявская В.Е. Открытый текст и открытый дискурс: интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы. СПб: СПбГУЭФ, 2007.

Գ. ԳԱՍՊԱՐՅԱՆ – Միջտեքստային հայեցակարգային տեղեկատվությունը որպես միջտեքստայնության կարգի արտահայտման միջոց. – Հոդվածում քննության է առնվել հայեցակարգային տեղեկատվության կարգը, նրա դերը ներտեքստային և արտատեքստային փաստացի տեղեկատվության հայեցակարգման գործընթացում: Այն դիտարկվում է որպես հաղորդակցման կարգի դրսևվորման միջոց, որի արդյունքում տեքստի հասցեատիրոջ վրա դրվում է թե՛ ներտեքստային և թե՛ արտատեքստային տեղեկատվության մեկնության գործառույթը: Միևնույն ժամանակ այն դիտարկվում է որպես միջտեքստայնության կարգի ձևավորման միջոց: Վերլուծության ենթարկված պատմվածքներում միջտեքստայնության կարգը իրականացվում է թե՛ ներ- և արտատեքստային տեղեկատվության և թե՛ ներտեքստային լեզվական միջոցների մակարդակում:

Բանալի բաներ. ներտեքստային և արտատեքստային փաստացի տեղեկատվություն, ներտեքստային և արտատեքստային հայեցակարգային տեղեկատվություն, միջտեքստայնություն, բաց տեքստ, բաց խոսույթ

G. GASPARYAN – *Inter-Textual Conceptual Information as a Means of Formation of Intertextuality.* – The paper touches upon the issues concerning intra- and extra-textual information, types of information (factual and conceptual) and the category of intertextuality that is revealed within the course of the interpretation of any type of information (both factual and conceptual). The stories under analysis are cohesive and interrelated due to the similar historical information (socio-historical actual facts) and identical language means used in both of them. They create a type of intra- and extra-textual conceptual information that brings to the structuring of the category of intertextuality in between them.

Key words: category of information, intra-textual and extra-textual information, factual information, conceptual information, category of intertextuality, open text, open discourse